

DOI 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-110-122

УДК 726(569.1)

Фарис Османович Нофал

Институт философии РАН
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3163-4722
E-mail: faresnofal@mail.ru

«Да будет мне дозволено его волей...»: дружские святилища сирийского Юга

АННОТАЦИЯ. В статье излагаются результаты полевого исследования дружских святилищ мухафазы Эс-Сувейда. Автор на основании собранных материалов пытается типологизировать обследованные храмы друзов, выяснить их роль в народной религии региона, реконструировать мифологические основания зафиксированных культов. Основной части работы предпослана краткая справка об истории дружской общины, появлении первых друзов на территории Леванта в XII в., судьбе Танухидского и Ма'анского государств. Во втором разделе приводятся сведения о тридцати двух храмах сирийского Юга, их распределении на кельи-*ḥuḡrāt*, святилища — *maqāmāt* и *mazārāt*; отдельно анализируются причины сооружения святилищ, их хронология и устройство типичных для друзов сакральных локусов. В третьей части статьи описаны ритуальные практики друзов, так или иначе связанные с существованием святилищ: паломничество, молитвословия, обеты, дары и обряды бдений. Также обсуждаются сведения о судебной роли дружских святилищ, отмеченной в сообщениях информантов. Ссылаясь на ключевой вероучительный источник общины «Послания мудрости», автор приходит к выводу, что народная религия друзов Сирии во многом развивается параллельно доктринальному единобожию посвященных и потому сохраняет архаические общеарабские черты вроде возведения кенотафов или почитания локальных святых, якобы способных ответить на мольбы пилигримов. Вместе с тем визуальные символы, обнаруживаемые в святилищах, как и сами святилища, по сей день служат маркерами идентичности дружских сообществ, по большей части состоящих из непосвященных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: друзы, Сирия, Эс-Сувейда, храмы, мазары, макамы, ритуальные практики

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нофал О. Ф. «Да будет мне дозволено его волей...»: дружские святилища сирийского Юга. *Кунсткамера*. 2026. 1 (31): 110–122. DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-110-122

Faris Nofal

Institute of Philosophy of the RAS
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3163-4722
E-mail: faresnofal@mail.ru

“Let His Will Permit Me...”: The Druze Shrines of Southern Syria

ABSTRACT. The article presents the findings of a field study of Druze shrines in the al-Suwayda Governorate. On the basis of the collected materials, the author attempts to classify the surveyed Druze sanctuaries, to clarify their role in the folk religion of the region, and to reconstruct the mythological foundations of these documented cults. The main body of the work is preceded by a brief overview of the history of the Druze community, the arrival of the first Druze in the Levant in the 12th century, and the fate of the Tanukhid and Ma’anid states. The second section provides data on thirty-two sanctuaries in southern Syria, their distribution into cells (*huḡrāt*), shrines — *maqāmāt* and *mazārāt*, each analyzed separately in terms of the reasons for their construction, their chronology, and the structure of typical Druze sacred spaces. The third part of the article describes the Druze ritual practices associated in one way or another with the existence of these shrines: pilgrimage, prayers, vows, offerings, and vigil rites. The article also discusses evidence concerning the judicial role of Druze shrines, as noted in informants’ accounts. Referring to the community’s key doctrinal text, the “Epistles of Wisdom,” the author concludes that the folk religion of the Druze of Syria largely develops in parallel with the doctrinal “monotheism” of the initiated, thus preserving archaic, pan-Arabian features such as the erection of cenotaphs or the veneration of local saints, who are believed to be capable of answering the pilgrims’ prayers. At the same time, the visual symbols found in the shrines, as well as the shrines themselves, to this day serve as identity markers for Druze communities, which for the most part consist of the uninitiated.

KEY WORDS: Druze, al-Suwayda, Syria, shrines, *maqāmāt*, *mazārāt*, ritual practices

FOR CITATION: Nofal F. “Let His Will Permit Me...”: The Druze Shrines of Southern Syria. *Kunstkamera*. 2026. 1 (31): 110–122. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-110-122

К сожалению для автора этих строк, драматические события последних лет, разворачивающиеся на территории Сирии, делают невозможным хоть сколько-нибудь детальное изучение быта и религии национальных меньшинств страны. Вероятно, причины, затрудняющие сегодня полевую работу этнографов и религиоведов, в скором времени сократят как объемы некогда доступных материальных источников (преимущественно архитектурных и литературных), так и количество информантов, в достаточной степени знакомых с исчезающими культурными практиками¹. В связи с последним обстоятельством я решил опубликовать результаты собственных изысканий, проведенных в мухафазе² Эс-Сувейда семь лет назад (ПМА 2019).

Вместе с тем я признаю в целом пропедевтический характер своей работы: вынужденный описывать религиозный «обиход» друзов сирийского Юга специалист не только фиксирует локальный феномен, но и, в условиях показательного *damnatio memoriae*³ специальной литературы, постоянно выходит за пределы темы и привлекает массив совершенно не изученных коллегами источников, преимущественно догматического порядка. Достаточно отметить, что исчерпывающего списка культовых локусов друзов Ближнего Востока мировая наука не знает до сих пор: лишь в небольшой монографии П.-Ж. Калебо (Callebaut 2000) приведено обобщенное изложение ритуалов паломничества и молитвословий друзов Ливана, а в статье Н. Фарра-Хаддад (Farra-Haddad 2021) вкратце описывается практика пилигримажа (*ziyārah*) к макаму Наби Баха' ад-Дина ливанского же Шаруна. В российской научной печати друзской религии и вовсе были посвящены лишь два труда — перевод избранных «Посланий мудрости», выполненный М. А. Родионовым и прокомментированный В. В. Полосиным (Раса'ил ал-хикма 1995), и фрагментарный очерк Е. В. Супониной (1999), основанный на все тех же «Посланиях...» Недавно увидело свет новое критическое издание анонимного «Друзского катехизиса» (2024), по-прежнему нуждающееся в обстоятельном исследовании⁴. В остальном же вернакулярные практики друзов, и в частности друзов Эс-Сувейды, должного освещения, увы, не получили.

Далее я попытаюсь восполнить обозначенную лакуну и дать общую характеристику друзским святыням сирийского Юга и связанным с ними ритуалам; «на полях» исследования рассмотрены обнаруженные параллели с практиками, зафиксированными коллегами среди ливанских друзов, или, напротив, различия, существующие между этими практиками.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ДРУЗЫ ДЖАБАЛЬ АЛ-'АРАБ КАК ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ОБЩНОСТЬ

Общеизвестно, что своим возникновением и политико-религиозным успехом друзская религия обязана фатимидскому халифу ал-Хакиму (ум. 1021) и его эмиссару, исмаилитскому проповеднику (*dā'ī*) Хамзе ибн 'Али (ум. 1041). Уже в 1017 г. Хамза объявляет о божественном достоинстве ал-Хакима; на его призыв распространять новую доктрину откликаются другие исмаилиты, среди которых — Баха' ад-Дина ал-Муктана (ум. после 1043), Исма'ил ат-Тамими (ум. ок. 1030) и Мухаммад ад-Дарази (ум. 1081) — первый именитый «отступник» общины, давший ей неформальное название (Halm 2003: 286–328)⁵. На крепком фундаменте исмаилитских подпольных групп Хамза, противник идеи вооруженной пропаганды, построил агентурную сеть внушительных мас-

¹ Приходящая на ум параллель между сирийскими реалиями и событиями, имевшими место в Йемене последних трех веков, — не преувеличение: достаточно вспомнить о страхе Р. Б. Сержинта перед ваххабитской и, шире, традиционалистской проповедью, угрожающей автохтонной культуре племен Хадрамаута (Serjeant 1964).

² Мухафаза — административно-территориальная единица ряда арабских государств.

³ *Лат.* 'проклятие памяти'.

⁴ Несмотря на то что аутентичность этого памятника сегодня считается доказанной (Sevruk 2015: 116), само существование катехизиса ставит вопрос (пока остающийся без ответа) об отличиях «бытовой» религии друзов от вероучения и практик друзов «посвященных» (*'uqqāl*). В статье я останавливаюсь преимущественно на описании различных аспектов первой, «народной» религии, отмечая некоторые их расхождения с заявленными в «Посланиях мудрости» тезисами.

⁵ Напомню, что сами друзы чаще именуют себя единобожниками (*muwahhidūn*) и потомками аравийского племени Ма'руфитов (*banū Ma'rūf*).

штабов: по мнению Н. М. Абу-Иззеддин (Abu-Izzeddin 1993: 127–128), апогей друзской проповеди в середине XI в. отмечен присутствием «рабов ал-Хакима» на обширной территории — от современного Туниса до берегов Индии. Неудивительно, что Левант (аш-Шам) одним из первых обратил на себя внимание фатимидского халифа: по преданию, обожествленный последователями правитель вел переписку с лидерами племени Танухидов (Ibid.: 128), а в 1027 г. Баха' ад-Дин лично назначил Сукайна главой «левантийской» сети с правом избрания эмиссаров и заместителей-наместников (Halm 2003: 328).

Ярчайшим образчиком религиозной мысли друзов этого периода служат «Послания мудрости» (*Rasā'il al-ḥikmah*) — сборник писем дидактического содержания, созданный усилиями Хамзы, Баха' ад-Дина и ат-Тамими (Раса'ил ал-хикма 1986). Сто одиннадцать трактатов, написанных в промежутке между 1017 и 1042 гг., эклектичны по содержанию, а изложенные в них теологемы едва ли поддаются непротиворечивой реконструкции. Тем не менее все тексты, упорядоченные и истолкованные ас-саййидом 'Абдуллахом ат-Танухи (ум. 1479), так или иначе повествуют об исключительной власти воплощенного в ал-Хакиме Бога, цикличности человеческой истории, каждая эпоха которой немислима без инкарнаций вселенских «пределов» (*ḥudūd*) — Разума ('*Aql*), Души (*Nafs*), Слова (*Kalimah*), Предшествующего (*Sābiq*) и Следующего (*Tālī*)⁶. Космогонический процесс объясняется авторами «Посланий...» не как необходимая эманация первоначал, но как драматическое отступничество ряда персонажей и их покаяния; теми же «перенниальными» событиями обусловлен и ход человеческой истории. Наконец, создатели трактатов верят в неизбежность метемпсихоза (*taqammus*) и неизменность количества человеческих душ — вопреки общеисламским учениям о загробной участи верных и неверных людей.

Друзская проповедь этого периода, и прежде всего проповедь о провозглашенных в «Посланиях...» истинах, была, несомненно, адресована элите (*ḥaṣṣah*) местных племен. Одним из первых кланов Леванта, принявших новую веру, стали джандалиты, представитель которых, Салама, поддерживал дружеские отношения с Баха' ад-Дином, привечал его племянницу Сару, посланную в Вади ат-Тайм с дипломатической миссией, и в целом оказал молодому движению неоценимую административную поддержку (Abu-Izzeddin 1993: 12, 129). Под Дамаском, на территории современной Ашрафийи, проживал другой корреспондент ал-Муктаны — Исма'ил ибн Хилал. Именно юг Ливана и пригороды Дамаска (впоследствии – Джарамана и Сахнайя) послужили опорным пунктом для пропаганды друзов в регионе, впоследствии распространившим свое влияние и на земли современной Эс-Сувейды; что до друзов Палестины, находившихся в Газе и Галилее, то они с XI в. сохраняли автономию и, подобно лидерам Вади ат-Тайм, связывались с центром в Египте напрямую (Ibid.: 131–132). Друзы Вади ат-Тайм впервые заявили о себе как о самостоятельной силе в начале XII в., вступив в союз с крестоносцами и объявив войну карматам.

Все тот же XII в. стал временем торжества двух важнейших друзских объединений племен — танухидского и ма'анского. В 10–20-е гг. на долю танухидских правителей выпала оборона Бейрута и горного Ливана от франкских рыцарей. В 1151 г. на политическую арену выдвигается танухидский клан Бухтуридов, сохранявший власть над Горным Ливаном вплоть до XVI в. После 1516 г. Танухиды оставили за собой некоторые ливанские земли, уступив бо́льшую часть юга друзским соседям — Ма'анидам, сражавшимся на Дабикском поле на стороне Османов. Имарат Ма'анидов просуществовал вплоть до 1697 г. и был упразднен под давлением Шихабов (Abu-Izzeddin 1993: 142–171); тем не менее наследие обоих племенных объединений, их попытки обрести независимость от крестоносных королевств, Мамлюков и Османов, оставили след в культуре друзов, явственно различимый по сей день. Члены общины продолжают считать себя частью истинно арабского мира — потомками одновременно и «северных» аднанитов (Ма'анидов), и «южных»

⁶ Разумеется, воплощения «пределов» связываются традицией и с ее основателями: так, Хамза олицетворяет Разум, ат-Тамими — Душу, Мухаммад ал-Кураши (ум. 1029) — Слово, 'Абу ал-Хайр ас-Самурри — Предшествующего, а Баха' ад-Дин — Следующего. Семантика «пределов» отражена в известном символе общины — пятицветной друзской звезде.

кахтанидов (Танухидов). Более того, современные друзские интеллигенты не без оснований объявляют о сравнительной самостоятельности политического, религиозного, литературного и даже музыкального наследия сообщества: упоминаниями о государстве ма'анского эмира Фахр ад-Дина II (ум. 1635) или движении Султана ал-Атраша (ум. 1982) в годы Сирийской революции (1925–1927) часто маскируются идеи об автономии региона, а популярность творчества Асмахан (ум. 1944) и ее брата Фариды ал-Атраша (ум. 1974) расценивается в качестве показательного триумфа национального гения.

В действительности же многие положения культурной мифологии современных друзов не лишены исторического, религиозного и лингвогеографического основания. Друзские движения, пускай и во многом децентрализованные, пережили и османские рейды (к примеру, экспедиция 1585 г. унесла жизни сотен ма'анских воинов и десятков книжников общины (Abu-Izzeddin 1993: 180)), и потрясения XX в., чтобы вновь заявить о себе в ходе гражданской войны 2011–2025 гг. Кроме того, на протяжении веков сохраняя компактность проживания и языковое, диалектальное единство, друзы Ливана и Сирии неоднократно выступали не только в роли обороняющейся стороны, но и в качестве активного политического игрока. С утратой автономии Ма'анским эмиратом, в начале XVII в. распространившим судебную власть на друзов от Бейрута до Дамаска (Базили 2007: 51) и возвышением Шихабов, «единобожники» усилили давление на османскую администрацию, совершая набеги на столицы элаетов (ал-Будайри 2021: 177) и привлекая на свою сторону христиан (Базили 2007: 435). Замкнутость общины, ее языковая и религиозная однородность и вместе с тем административная самостоятельность крупных объединений «на местах» закономерно привели к стигматизации друзов представителями суннитского большинства. К примеру, дамаский хронист ал-Будайри сообщает, что проведенная в июне 1747 г. южносирийская кампания наместника Дамаска имела в отношении друзов откровенно репрессивный характер: османские солдаты «задирали» местное население, жестоко расправлялись даже с покорными властям горожанами и собирали в пользу войска весь урожай с местных полей (ал-Будайри 2021: 150–154). Неизвестно, как именно вооруженные конфликты XVII–XXI вв. сказались на численности друзского населения Ливана, Сирии и Палестины: если К. М. Базили (ум. 1884) оценивает друзскую общину Антиливана и Хаурана примерно в 6 тыс. семей (Базили 2007: 435), то приблизительные подсчеты 2006 г. содержат данные о 500 тыс. друзов, проживающих в Сирии — мухафазах Дамаск, Эс-Сувейда и на Голанских высотах⁷.

«ГОРА ДРУЗОВ» КАК САКРАЛЬНЫЙ ЛОКУС

Как уже было упомянуто, исчерпывающего списка святилищ мухафазы Эс-Сувейда современная научная периодика не знает. Это обстоятельство подвело меня к необходимости самостоятельно выяснять наличие в тех или иных городах и деревнях области мест паломничества, обозначаемых жителями как *mazār*, *maqām* или *ḥuḡrah*. Итог моих изысканий (несомненно, предварительных) в полной мере представлен на рисунке.

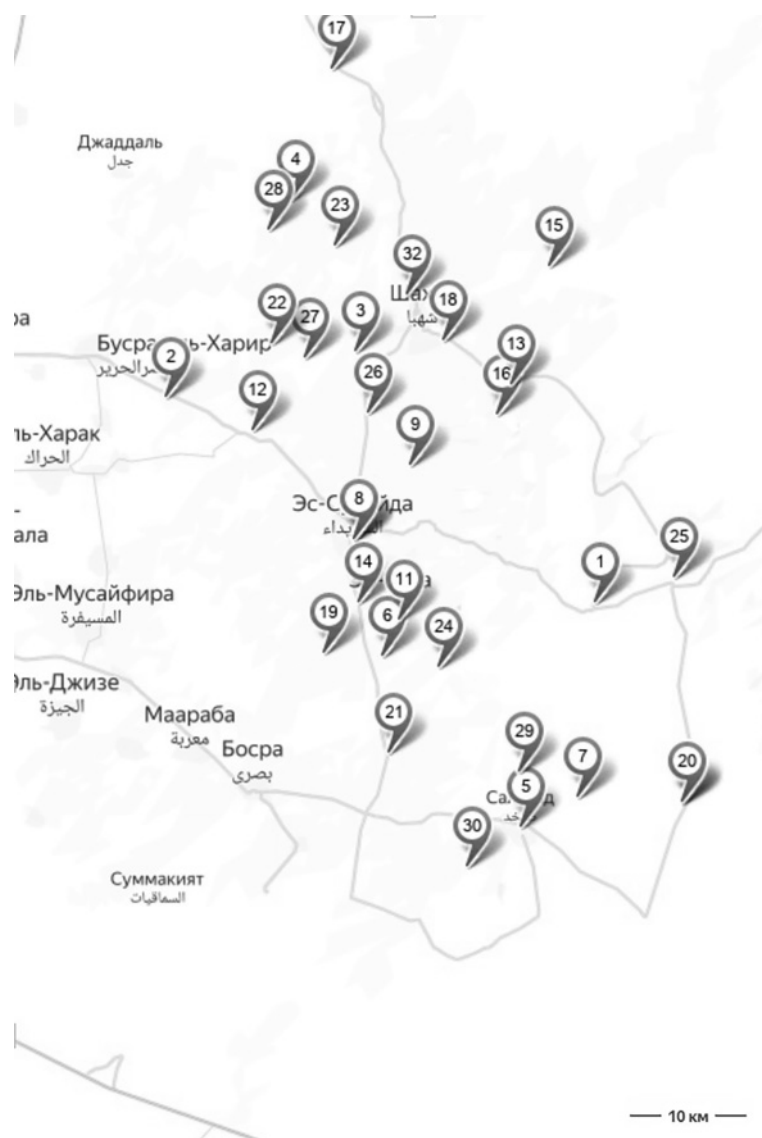
Как наверняка уже отметил про себя внимательный читатель, в своей работе я ограничился лишь тремя типами сакральных пространств, которые следует охарактеризовать чуть более подробно. И *mazār*, и *maqām*, и *ḥuḡrah* противопоставлены в религиозной практике друзов *ḥalwah*⁸ — месту собрания посвященных (*'uqqāl*) и совершения радений (*sahrāt*), на которые неинициированные члены общины не допускаются (Callebaut 2000: 31). Для непосвященных *ḥalwah* на сирийском Юге (впрочем, как и на Юге ливанском) заменяют либо одно (*maḡlis*⁹), либо несколько (*maḡāfāt*¹⁰)

⁷ International Religious Freedom Report 2006 // US Department of State Website. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2006/71432.htm> (дата обращения: 20.07.2025).

⁸ Букв. 'уединенное место'.

⁹ Букв. 'место восседания'.

¹⁰ Букв. 'гостиные'. В южносирийских домах традиционной планировки гостиные возводятся в виде пристройки к жилому дому.

1. Макам господина Хидра (Сали)	9. Худжра шейхов ал-Хаджари (Канават)	17. Макам пророка Ши'та (Зкир)	25. Макам госпожи Сары (Рашида)
2. Макам господина Хидра (Ниджран)	10. Худжра шейха Мухсина ал-Мулхима (Малах)	18. Пещера господина Джабра'ила (Шахба)	26. Мазар эмира Рафи' 'Абу Лайла (Слем)
3. Макам господина Хидра (Брека)	11. Худжра шейха Мухаммада ал-Ханнави (Сахват Блата)	19. Мазар ал-Махди (Эль-Мджемир)	27. Макам господина ал-Микдада (Римат ал-Лихаф)
4. Макам господина Хидра 'Абу-Тиййарат (Смид)	12. Мазар 'Имм Джадух (Эль-Мазра'а)	20. Мазар господина ал-Хаддада (Малах)	28. 'Имм Киббаш (Эль-Харса)
5. Макам Султана Сулеймана-Хидра (Салхад)	13. Макам 'Имм Джадух (Нимра)	21. Мазар господига ал-Балхи (Эль-Краййа)	29. Мазар 'Абу ал-Харр ('Уйун)
6. Худжра шейха ас-Салиха (Уфайна)	14. Макам пророка Аййуба (Расас)	22. Мазар господина 'Аммара ибн Йасира ('Арика)	30. Макам господина 'Абд Мара (Салхад)
7. Худжра шейха Ракана ал-Атраша (Ирман)	15. Макам пророка Йахйи (Эль-Джнена)	23. Макам господина 'Абу Зарра ал-Гифари (Мджадил)	31. Макам 'Айн аз-Замана (Эс-Сувейда)
8. Худжра шейха Хасана Тарбиййа (Эс-Сувейда)	16. Макам господина ал-Масиха (Шахба)	24. Макам господина Баха' ад-Дина (Хибран)	32. Макам Талль Шихан (Шахба)

Рис. Расположение сакральных локусов мухафазы Эс-Сувейда
Fig. Sacred Locations of Suwayda Governorate

небольших «форумов», в которых могут созываться важные вероучительные или административные «советы». В отличие от *ḥalwah*, *mazār*, *maqām* и *ḥuḡrah* открыты и для друзей, и для иноверцев; кроме того, они представляют собой сложные архитектурные комплексы с большим количеством необходимых паломникам служб (комнатами для постояльцев и «дежурных» *‘uqqāl*, кухнями, местами, отведенными под жертвенный забой скота, собственно святилищами).

Одновременно «народные» локусы паломничества друзей принято различать терминологически. Концептом *ḥuḡrah* («комната», «келья») обозначают жилище праведного человека (*wālī*), служащее и местом его погребения, и целью ищущих благословения (*barakah*) верующих. *Mazār* («посещаемую [обитель]») от *maqām* («местоположения») отличить куда труднее: зачастую первое слово указывает на настоящую гробницу того или иного персонажа, а второе — на его временную «стоянку»; реже (как в случае с мазаром ‘Имм Джадух (12) термин *mazār* применяется и к кенотафам. В целом все три типа пунктов назначений пилигримажа допустимо называть *mazār ‘ами* — даже пещеру ангела Джабра’ила (18), которую чаще характеризуют по ее природному происхождению.

О том, насколько в друзской среде жива традиция возведения святилищ и паломничества к ним, красноречиво свидетельствует следующая статистическая выкладка (табл. 1), подготовленная мной по результатам опроса местных жителей и самостоятельного осмотра *mazār ‘ов* (ПМА 2019).

Т а б л и ц а 1

Хронология возведения отдельных святилищ мухафазы Эс-Сувейда

Время постройки	Обозначение в ключе
Естественное происхождение	18, 19
XVIII–XIX вв.	5, 6, 9, 17, 21
XX в.	2, 8, 12, 15, 28
XXI в.	7, 10, 11, 27

Не менее интересны причины возведения ряда вышеупомянутых святилищ, которые, как представляется, также поддаются типологизации. Почти все *mazār ‘ы*, отстроенные в XXI в., служат местами упокоения местных праведников; исключение из правила — *maqām* ал-Микдада (27), сооруженный скорее из интеллектуальной необходимости. Памятная табличка, установленная у входа в *maqām*, сообщает:

Идея соорудить *maqām* зародилась в начале 2002 г. с созданием книги «Наш господин ал-Микдад ибн ‘Амр ибн ал-’Асвад ал-Кинди». Всевышнему споспешествуя, мы принялись собирать пожертвования в 2003 г.; тогда мы под руководством инженера Ихсана Навфала разработали полный план строительства. Все ветхие здания были снесены с места *maqām ‘а*. Три крыши были возведены за девять месяцев. Купол установили 20.03.2005; 22.03.2005 на священном куполе проступил божественный дар, напоминающий голову Иоанна Крестителя (Йахьи ибн Закарийи). *Maqām* был открыт 15.08.2008 в присутствии главенствующих шейхов, с молитвами господина шейха ‘Абу Хусайна Мухаммада ал-Ханнави, в присутствии наших шейхов из Алеппо, Западного региона, из братского Ливана, из Гуты, из Джабаль ал-‘араб — и некоторых других официальных делегаций (ПМА 2019).

Примечательный во всех отношениях «отчет» о возведении храма, посвященного одному из сподвижников ‘Али ибн ‘Абу Талиба ал-Микдаду ибн ‘Амру (ум. 652), пожалуй, лучше других сообщений демонстрирует своеобразную диверсификацию современного религиозного чувства друзей. Так, поводом для строительства послужили не сновидения (как в случае с *maqām ‘ами* 2, 15, 19), не обнаружение настоящего захоронения (6, 17) и не чудесное событие (12, 28, 29), а появление печатной книги-биографии. Явным знаменем благословенности (*barakah*) замысла ста-

ло «чудесно» проступившее пятно, напомнившее строителям об усекновенной главе Иоанна Предтечи, упомянутого выше под именами, принятыми и в исламской, и в христианской традициях. Впрочем, ассоциация далеко не произвольная: христианские по происхождению изображения неизменно украшают стены друзских *mazār* 'ов наряду с портретами руководителей общины и кораническими айатами.

Абсолютное большинство друзских святилищ, их посвящение тому или иному персонажу связано с его пребыванием у конкретной стоянки или захоронением под ней (7, 8, 9, 10, 11, 25, 32), что вполне объяснимо общесемитским представлением об особом статусе локусов, у которых праведники получали откровения или несли аскетический подвиг. Эти праведники известны паломникам под своими подлинными именами. К примеру, 'Абу 'Аднан Ракан ал-Атраш (ум. 2019) (7) прославился благочестивой безбрачной жизнью в деревне Ирман, которую никогда не покидал. Хусайн 'Али Тарбийя (ум. 1914) (8), уроженец Галилеи, основал под городом Эс-Сувейда собственное родовое хозяйство. В *huḡrah* шейхов ал-Хаджари (9), династия которых принимает активное участие в управлении друзской общиной мухафазы, захоронены как основатель династии Ибрахим ал-Хаджари (ум. 1840), переселившийся из Ашрафийи в местечко Канават, так и его потомки — Салман (ум. 1989) и Ахмад (ум. 2012). Мухсин Мулхим (ум. 2014) (10) прославился как бессребреник и переписчик священных книг. Мухаммад ал-Ханнави (ум. 2010) (11) всю свою жизнь посвятил поиску религиозного знания¹¹. Впрочем, вновь необходимо обозначить исключения из этого, казалось бы, очевидного и неизменного правила. Так, некий шейх Салих¹² (6) явился во сне жительнице деревни Уфайна и приказал захоронить его найденные накануне останки в неприкосновенном месте, а неизвестный современным обитателям поселения Уйун 'Абу ал-Харр (29), по-видимому, был выдуман для объяснения странного поведения скота у расселины на окраине деревни (ПМА 2019).

Что до святилищ, связанных с именами исламских пророков, то их строительство либо возводится информантами к далекой древности, либо объясняется необычными видениями, полученными учредителями во сне и наяву. В частности, *maqām* пророка Йахьи в деревне Эль-Джнана (15) был отстроен на месте некоей византийской постройки, находившейся в собственности семейства 'Абу Ганим, после серии «вещих» сновидений и бед, обрушившихся на его членов в начале XX в. Пещеру в Эль-Мджемире (19) жители местечка обустроили лишь после неоднократного явления ал-Махди одной из девушек. Второй кенотаф в *maqām* 'е пророка Хидра в Ниджране был поставлен после вещего сна некой женщины. Наконец, возведение в 1999 г. *mazār* 'а Эль-Мазра'а (12) объясняется явлением информантам женщины, опознанной как 'Имм Джадух — жена пророка 'Аййуба (*библ.* Иова).

Т а б л и ц а 2

Вотивные персонажи друзских святилищ мухафазы Эс-Сувейда

Объект почитания	Обозначение в ключе
Коранический персонаж	1, 2, 3, 4, 5, 14, 15, 16, 17, 18
Исторический персонаж	Исламский: 21, 22, 23, 27
	Друзский: 6, 7, 8, 9, 10, 11, 20, 24, 26, 32
Другой мифологический персонаж	12, 13, 19, 25, 28, 29, 30, 31

В целом традиционные причины возведения святилищ коррелируют и со спецификой вотивных персонажей (табл. 2). Коранические фигуры (Хидр, 'Иса, Джабра'ил, 'Аййуб, Йахья) перемежаются в концептосфере друзов Эс-Сувейды друзскими лидерами (кроме упомянутых

¹¹ Интересен социальный статус упомянутых исторических лидеров друзской общины: в то время как ал-Атраш и Тарбийя промышляли преимущественно земледелием, Ахмад ал-Хаджари оставался разнорабочим и в этом качестве провел почти двадцать лет в Венесуэле. Мухсин Мулхим обучал детей деревни Малах грамоте. Лишь ал-Ханнави, по словам информантов, сызмальства интересовался догматической стороной религии и получил соответствующее образование среди шейхов Ливана.

¹² Скорее всего, вопреки информантам, Салих здесь — не имя собственное, а почетный титул или прозвище (*sālih* 'праведный').

выше шейхов — подвижниками холма Талль Шихан (32), Баха' ад-Дином ал-Муктаной (24) и военачальником Рафи'ом 'Абу Лайлом (26)), деятелями раннеисламской истории ('Абу Зарром ал-Гифари (ум. 652) (23), 'Аммаром ибн Йасиром (ум. 657) (22), ал-Микдадом (27), суфиями (ал-Балхи (ум. 931) (21) и откровенно мифологическими персонажами. Среди последних стоит выделить 'Айн аз-Замана (31), легендарное воплощение Предшествующего (*Sābiq*) «предела»¹³, упоминающуюся выше 'Имм Джадух (12, 13), некую госпожу Сару (25)¹⁴, Салму, хозяйку *mazār'a* 'Имм Киббаш (28), 'Абу ал-Харра (29) и сподвижника пророка Сулаймана 'Абда Мара (30). Эkleктическое соединение персонажей разных традиций в сакральном пространстве друзей вполне соответствует вероучению общины, подверстывающего все события истории человечества под единую циклическую матрицу¹⁵.

Т а б л и ц а 3

Классификация друзских святилищ мухафазы Эс-Сувейда по наличию гробницы-*darīh*

Наличие гробницы	Обозначение в ключе
Подлинная гробница	6, 7, 8, 9, 10, 11, 17, 22, 25, 26, 31
Кенотаф	1, 2, 3, 4, 5, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 27, 29, 30, 32
Без гробницы	13, 28

Наконец, следует вкратце охарактеризовать структуру типичного друзского святилища (табл. 3). Как правило, сакральные локусы «единобожников» размещаются под укрытием — естественным или искусственным. Естественным укрытием *mazār'am* зачастую служат пещеры (*mġārāt*). Одна из них — святилище ангела Джабра'ила, расположенное на холме в окрестностях города Шахбы (18) и содержащее, помимо кенотафа, каменный «трон» некогда сошедшего здесь гонца небес. Подземная пещера ал-Махди (19) обустроена жителями Эль-Мджемира и вмещает двадцать посетителей одновременно. Скромные размеры пещеры не позволяют выстроить на прилегающей территории полноценный ритуально-жертвенный комплекс; по этой причине паломники Эль-Мджемира ограничиваются молитвословиями и возжиганием свечей. Иногда неустроенность храма местные жители объясняют мистическими препятствиями: так, отчаявшись возвести у кенотафа пророка Хидра (1) хотя бы одну комнату, обитатели деревни Сали построили гранитную гробницу на огороженной забором территории. В случае с *mazār'om* 'Имм Киббаш (28) в деревне Эль-Харса его сакральным центром стало вековое фисташковое дерево, в XX в. якобы приманившее к себе огромных быков, впоследствии принесенных в жертву хозяйке (*ṣāhibat*) локуса; ее местные друзья опознали как Салму — женщину-аскета, подвизавшуюся в окрестностях селения и многим являвшуюся во снах (ПМА 2019). В *mazār'e* 'Имм Киббаш гостиная для паломников стоит неподалеку от священного дерева и не служит смысловой или ритуальной осью локуса.

¹³ Согласно «Посланиям мудрости», 'Айн аз-Заман — инкарнация Предшествующего, «предела», служащего «началом обоим мирам», «покою и холоду». Дав начало своему противнику, Иблису, Предшествующий породил «тонкого и духовного» Следующего. В то время как от Предшествующего и Следующего возникли материальный мир и цепь пророков-проповедников, Иблис остался воплощением «оппозиции» (*diddiyah*) божественному замыслу (Раса'ил ал-хикма 1986: 62, 66).

¹⁴ «Ситт Сара» фигурирует здесь в качестве мифологического, а не исторического персонажа по формальным причинам: мне так и не удалось установить генезис ее культа в мухафазе Эс-Сувейда или легенду, непротиворечиво объясняющую появление ее святилища на территории современной Рашиды. С одной стороны, пара *mazār'ov* Баха' ад-Дина и его племянницы Сары, зафиксированная в ливанском Шаруне (Farra-Haddad 2021: 149–150), параллельна сирийской паре; с другой — все мои информанты предпочли рассказам о героине друзской истории повествование о благочестивой женщине, бросившей мужа ради аскетических подвигов (ПМА 2019).

¹⁵ В качестве показательного примера приведу повсеместно распространенное на сирийском Юге почитание Платона и Аристотеля, оправданное не только графически (репродукции фрагмента знаменитой «Афинской школы» Рафаэля были обнаружены мной в святилищах Римат ал-Лихаф (27) и Эль-Джны (15)), но и догматически: в «Посланиях...» Платон не только назван «величайшим мудрецом», но и представителем иерархии эмиссаров-«двоводов» (*huḡāg*) Адама (Раса'ил ал-хикма 1986: 136, 582). Неудивительно, что схожее отношение к греческому философу сохраняется и в Горном Ливане (Farra-Haddad 2021: 151).

Во всех остальных случаях центром святилища, его неизменным атрибутом объявляется *darīh* — ‘гробница’, зачастую оказывающаяся кенотафом. Эта специфическая черта арабской народной религии хорошо известна специалистам по Хадрамауту, привыкшим отличать гробницу-*mašhad* от подлинного захоронения-*qabr*; первая — атрибут всех *mazār*’ов пророков, второе — свойство *maqām*’ов праведников (Rodionov 1999). Эту закономерность подтверждают и интересующие нас памятники: все «пророческие» *maqām*’ы сирийского Юга содержат *darīh*-кенотафы, за исключением, пожалуй, *mazār*’а пророка Ши’та (*библ.* Сифа) (17), возведенного друзьями дома ал-Кфери над захоронением некогда найденных в поле костей, «идентифицированных» вещим сновидением (ПМА 2019)¹⁶. Ложными в прямом смысле слова объявлены и *darīh*’у раннеисламских и друзских исторических деятелей; лишь гробницы в «кельях» шейхов и *maqām*’ах легендарных местных праведников распознаны паломниками в качестве мест их, праведников, упокоения. Во всех случаях выполненные из бетона или камня *darīh*’у повторяют форму настоящих захоронений; к некоторым из них приставлены вотивные стелы, напоминающие надгробные плиты сирийских кладбищ. В качестве показательного примера приведу надпись на плите кенотафа господина ал-Масиха в городе Шахба (16).

[Сура] «Открывающая Книгу». Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Блажен вдыхающий твой аромат, наслаждающийся красотой твоего лица, благоуханным светом, плывущим по вечности в радости! Им ты достигаешь ступеней праведников! Ты — ожидаемый Помазанник, о, поправший влажную глину благоуханными тучами! Ходатайствуй о нас перед Богом, сжался над нами, убереги от адской муки! Да благословит тебя Аллах при утреннем, вечернем и предрасветном дуновении ветра! (ПМА 2019).

Погребальную стилистику абсолютного большинства *darīh*’ов нарушает, пожалуй, лишь кенотаф ’Имм Джадух в Нимре (13), устроенный по примеру христианского жертвенника (а может, и на его месте) в отдельной нише-апсиде.

«ДА БУДЕТ МНЕ ДОЗВОЛЕНО ЕГО ВОЛЕЙ...»:

НАРОДНАЯ МИФОЛОГИЯ И КУЛЬТОВЫЕ ПРАКТИКИ НА СИРИЙСКОМ ЮГЕ

Несмотря на то что происхождение практики установки *darīh*’ов как своеобразного маркера священных мест понятно, ее друзская специфика и локальное мировоззренческое обоснование выглядят, на мой взгляд, не вполне однозначно. Вернакулярная религия друзов утверждает за *mazār*’ами, как уже было отмечено выше, исключительную функцию — функцию единственно доступного сакрального локуса, носителя благословения-*barakah*. Вместе с тем информанты настаивают: благословение принципиально нелокализуемо, им располагают амулеты от сглаза, коранические аяты и пятицветные звезды, часто размещаемые местными жителями на стенах гостиных-*maḍāfāt*. Эти представления о *barakah* вполне уживаются с, казалось бы, несогласуемыми утверждениями: с одной стороны, высшей «степенью» благословенности располагает «хозяин» (*ṣāhib*) *mazār*’а, который, с другой, не только не «покоится» в многочисленных местах инвокации, но и проживает новую жизнь в очередном инкарнационном цикле¹⁷. Уверенность друга во «все-

¹⁶ В «Посланиях мудрости» за Ши’итом/Шархом закреплена двойственная космогоническая роль. С одной стороны, он «супруг» Ахнуха (Еноха), «двода» Адама, и потому объявлен инкарнацией Слова (в цикле ал-Хакима таковым считался Мухаммад ал-Кураши). С другой же стороны, он репрезентует «грехопадение» Слова вместе с Душой: изменив завету Сатанаила-Разума по наущению Шайтана-Хубала, Слово и Душа присвоили себе власть «имамов», — в чем, впрочем, покаллись и были прощены (Раса’ил ал-хикма 1986: 136–141). Очевидно, «низовая» религия друзов об этой легенде не знает: лишь один из моих информантов, Камил ал-Х., заявил о тождестве ал-Кураши и пророка Ши’та (ПМА 2019).

¹⁷ На этом этапе работы я вынужден вновь отметить значимые расхождения, существующие между «народной» и «книжной» религиями друзов. Согласно ключевым отрывкам из «Посланий мудрости», «воплощение» (*hulūl*) и «перемещение» (*intiḡāl*) «простых» душ (т. е. не душ метафизических «пределов» мироздания) обусловлено прежде всего законом искупления и неизбежно для «нечистых» (*kadīrah*) существ. Кроме того, человек не в силах «заговорить» (*nuṭq*), вспомнить об обстоятельствах

присутствии» «пределов», праведников и пророков настолько крепка, что любое упоминание о них или их храмах он сопровождает благочестивой формулой *dastūr min hātrū*, «да будет мне дозволено его волей».

Как бы то ни было, по друзскому поверью, хозяин святилища присутствует на его территории и способен ответить на просьбу посетителей — независимо от их религиозной принадлежности. С целью умиловить праведника сотни друзей (а порой и христиан) совершают благочестивые паломничества-*ziyārāt*, в известной степени морфологически повторяющие обряды хаджа или ‘умры: верующие, стремящиеся посетить, к примеру, Талль Шихан (32), пытаются блюсти ритуальную чистоту, а женщины на входе в комнату с *darīh’om* обязательно надевают длинную накидку; все пилигримы семь раз по кругу обходят кенотаф (некоторые — с известным молитвословием *labbayka Allāhumma* ‘вот я, Господи, пред Тобой’) и в завершение основного обряда произносят произвольное прошение-*du’ā*, обращенное непосредственно к «господину Шихану»¹⁸. Реже у *darīh’a* друзья приносят торжественные обеты (*nudur*), иногда требуют от праведника помощи в форме жребия (*istihārah*). Ранее распространенная практика инкубации, предполагающая неотступное нахождение адепта в храме и в некотором роде параллельная исламскому ритуалу *i’tikāf*, сегодня почти не встречается: редкие паломники остаются на ночь в специально отведенных гостиных, а табличка на входе в святилище суфия ал-Балхи (21) предостерегает визитеров от ночных бдений в помещении с гробницей (ПМА 2019).

Сведений о судебных функциях друзских храмов мне не удалось найти. Единственное исключение — легенда о *mazār’e* ’Абу ал-Харра (29), по-видимому, еще в XX в. находившая отклик среди жителей деревни ‘Уйун. Согласно преданию, узкое отверстие (*tāqah*) в основании современного здания святилища — не что иное, как орудие ордалии, служащее «опознанию» внебрачных детей (*wlād al-ḥarām*): лишь рожденный в законном браке, сообщают информанты, в силах пролезть сквозь каменную щель, каким бы телосложением он ни обладал. «Семимесячная Асил ал-К. не смогла пройти через отверстие *mazār’a* ’Абу ал-Харра; вот к ней никто и не посватался спустя долгие годы. А толстые мужчины не раз входили в нее и из нее выходили», — уверял меня Фу’ад ал-‘А. (ПМА 2019). Такую же практику этнографы зафиксировали в йеменском Абйане, где схожие функции выполняла «Скала любодеев» (*ḥaḡar al-zinwān*) (Serjeant 1971).

Дары (*hadāyā*), преподносимые паломниками святилищам и их хозяевам, разнообразны и едва ли поддаются типологизации. Как правило, в *mazār’ы* приносятся результаты рукоделия — платки, плетеные корзины с пятицветными узорами; куда реже — полудрагоценные украшения. Важное место в пространстве храма занимают изображения: портреты авторитетных религиозных лидеров, репродукции христианских икон (Усекновения главы Иоанна Предтечи и святого Георгия-«Хидра») или «Афинской школы» Рафаэля, стихотворные посвящения¹⁹. Жертвы, приносимые у *mazār’ов*, обязательно раздаются близким и соседям; служителям храма остается лишь небольшая часть туши животного. Содержание святилищ нередко принимает характер общего дела: жители населенного пункта самостоятельно решают возвести кенотаф, организуют сбор средств на строительство и впоследствии поддерживают порядок в новообразованном сакральном пространстве. В этих условиях руководство общины только санкционирует де-факто независимую от него ритуальную жизнь на местах, благословляя намерения жертвователей и присутствуя на торжественных открытиях святилищ²⁰.

прошлой своей жизни; «в противном случае, так можно познать других [переродившихся людей] и даже Творца, вернувшего тебя в новое воплощение, — а значит, весь мир» (Раса’ил ал-хикма 1986: 545, 502). Современные же друзья не ставят под сомнение ни всеобщность реинкарнации, ни возможность «говорения»; некоторые из них напрямую связывают пробудившуюся память о предыдущих «воплощениях» с благословением «хозяев» *mazār’ов* (Fatta-Haddad 2021: 21).

¹⁸ Впрочем, друзские религиозные деятели не возражают и против светских посещений холма: под импровизированные пикники оборудована территория за пределами *mazār’a*, с которой открывается впечатляющий вид на южносирийское вулканическое плато.

¹⁹ Такова, в частности, поэма-*qaṣīdah*, адресованная «шейху Салиху» (6) неким Фадилом ’Абу Хаййалом («О, отец благочестия! Ты возлюбил Единого, Единственного / и счастье обрел, — впору гордиться тому, кто счастлив...») (ПМА 2019).

²⁰ Как следствие, *mazār’ы* редко располагают полноценными библиотеками; последние — часть святилищ-школ типа *ḥalwah*, предназначенных для посвященных мужчин и женщин.

Подводя итог, я вынужден вновь обратить внимание читателя на обзорный, фрагментарный характер этой статьи и обозначенную в ней важную методологическую сложность, с которой неизбежно столкнутся все исследователи друзской религии. Первое вполне поправимо: новые полевые разыскания значительно обогатят результаты всего одной экспедиции, легшей в основание моей работы. Второе же — следствие эклектического характера самого культа, зачастую конституируемого на границах нескольких религиозных традиций одновременно. Если первые учителя единобожников свободно обращались с исмаилитским, перипатетическим и герметическим материалом, выстраивая неоднородную идеологию «Посланий мудрости», то современные друзья идут еще дальше, в своей практике расходясь и с «Посланиями...», и с установлениями многочисленных катехизисов, предостерегавших верующих XVIII–XIX вв. от сближения с мусульманами. Следовательно, религиоведу-этнографу стоит, во-первых, избегать поспешных обобщений, распространяющих наблюдаемый феномен на друзскую практику *in toto*²¹, и, во-вторых, неустанно проводить анализ двух сравнительно самостоятельных традиций, книжной и вернакулярной. Последнее, уверен, лишь поспособствует систематизации до сих пор разрозненных данных о друзском меньшинстве Ближнего Востока.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2019 — полевые материалы автора (описание святилищ и ритуальной практики друзов); Сирийская Арабская Республика, мухафаза Эс-Сувейда; 2019 г.

Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М.: Гешарим (Мосты культуры), 2007. 607 с.

«Друзский катехизис» / предисл., подгот. критического текста и коммент. Ф. О. Нофала // Ишрак. Журнал исламской философии. 2024. Т. 2, № 1. С. 57–100.

Ал-Будайри Ш. А. Ежедневные события Дамаска аш-Шам с 1154 по 1176 год (1741–1763) / пер. с араб., коммент. и исслед. И. М. Смилянкой при участии С. Х. Кямилева и Ф. О. Нофала. М.: Индрик, 2021. 400 с.

Раса'ил ал-хикма I–XIV («Послания мудрости» I–XIV): из друзских рукописей СПбФ ИВ РАН (А 173): факсимиле рукописи / предисл., избранные переводы с араб. М. А. Родионова. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1995. 272 с. («Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия»; вып. I).

Раса'ил ал-хикма. Байрут: Дар ли-'аджл ал-ма'рифат, 1986. 806 с. [1986, رسائل الحكمة، بيروت، دار لأجل المعرفة]. (На араб. яз.).

Супонина Е. В. Арабские тайны Гермеса Трисмегиста: Религиозно-философская доктрина друзов: учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1999. 59 с.

Abu-Izzeddin N. M. The Druzes: A New Study of Their History, Faith, and Society. Leiden: Brill, 1993. 259 p.

Callebaut P.-J. Les mystérieux Druzes du Mont-Liban. Tournai: La Renaissance du livre, 2000. 127 p.

Farra-Haddad N. Devotions to a Druze Saint: From Philosopher to Founder Saint of the Community // Druze Reincarnation Narratives. Previous Life Memories, Discourses, and the Construction of Identities / ed. by G. Fartacek. Berlin: Peter Lang, 2021. P. 145–160.

Halm H. Die Kalifen von Kairo: Die Fatimiden in Ägypten 973–1074. Berlin: C. H. Beck, 2003. 508 S.

Rodionov M. A. Towards Typology of Visited Shrines in Wadi Hadramawt (with special reference to Mawla Matar) // Cultural Anthropology of Southern Arabia: Hadramawt Revisited (= Культурная антропология Южной Аравии: Хадрамаут). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, 1999. P. 89–95.

Serjeant R. B. Heiligenverehrung in Südarabien // Bustan. 1964. No. 5. P. 16–23.

Serjeant R. B. The “White Dune” at Abyan: an Ancient Place of Pilgrimage in Southern Arabia // Journal of Semitic Studies. 1971. Vol. 16, no. 1. P. 74–83.

Sevruk D. Four Apocryphal Druze Texts and the Problem of their Authenticity // Rocznik Orientalistyczny. 2015. T. 68, iss. 2. S. 115–133.

²¹ Лат. ‘в целом’.

REFERENCES

- Abu-Izzeddin N. M. *The Druzes: A new study of their history, faith, and society*. Leiden: Brill, 1993, 259 p. (In English).
- Al-Budayri Sh. A. *Yezhednevnyye sobytiya Damaska ash-Sham s 1154 po 1176 god (1741–1763)* [Daily events of Damascus ash-Sham from 1154 to 1176 (1741–1763)]. Moscow: Indrik Publ., 2021, 400 p. (In Russian).
- Basili K. M. *Siriya i Palestina pod turetskim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyakh* [Syria and Palestine under the Turkish government in historical and political relation]. Moscow: Gesharim (Mosty kul'tury) Publ., 2007, 607 p. (In Russian).
- Callebaut P.-J. *Les mystérieux Druzes du Mont-Liban*. Tournai: La Renaissance du livre, 2000, 127 p. (In French).
- Farra-Haddad N. Devotions to a Druze saint: from philosopher to founder saint of the community. *Druze Reincarnation Narratives. Previous Life Memories, Discourses, and the Construction of Identities*. Berlin: Peter Lang, 2021, pp. 145–160. (In English).
- Halm H. *Die Kalifen von Kairo: Die Fatimiden in Ägypten 973-1074*. Berlin: C. H. Beck, 2003, 508 S. (In German).
- Nofal F. O. ["The Druze Catechism"]. *Ishraq. Zhurnal islamskoy filosofii* [Ishraq. Journal of Islamic Philosophy], 2024, vol. 2, no. 1, pp. 57–100. (In Russian).
- Rasa'il al-khikma* [Letters of wisdom]. Beirut: Dar li-'adhl al-ma'rifa Publ., 1986, 806 c. (In Arabic).
- Rasa'il al-khikma I–XIV ("Poslaniya mudrosti" I–XIV): iz druzskikh rukopisey SPbF IV RAN (A 173): faksimile rukopisi* [Rasa'il al-hikma 1st–14th ("Epistle of wisdom" 1st–14th): from the Druze manuscripts of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (A 173): facsimile of the manuscript]. St. Petersburg: Tsentr "Peterburgskoye vostokovedeniye" Publ., 1995, 272 p. ("Cultural monuments of the East: St. Petersburg scientific series"; Iss. 1). (In Russian).
- Rodionov M. A. Towards typology of visited shrines in Wadi Hadramawt (with special reference to Mawla Matar). *Cultural Anthropology of Southern Arabia: Hadramawt Revisited*. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 1999, pp. 89–95. (In English).
- Serjeant R. B. Heiligenverehrung in Südarabien. *Bustan*, 1964, no. 5, pp. 16–23. (In German).
- Serjeant R. B. The "White Dune" at Abyan: an ancient place of pilgrimage in Southern Arabia. *Journal of Semitic Studies*, 1971, vol. 16, no. 1, pp. 74–83. (In English).
- Sevruk D. Four apocryphal Druze texts and the problem of their authenticity. *Rocznik Orientalistyczny*, 2015, vol. 68, iss. 2, pp. 115–133. (In English).
- Suponina E. V. *Arabskie tayny Germesa Trismegista: Religiozno-filosofskaya doktrina druzov* [Arabian secrets of Hermes Trismegistus: Religious and philosophical doctrine of Druzes]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov Publ., 1999, 59 p. (In Russian).

Submitted: 22.07.2025

Accepted: 23.11.2025

Published: 10.04.2026